

Она сидела возле церковных ворот. Можно было угадать, что не так давно, буквально позавчера, она была красавицей. Когда она по диагонали пересекала церковный двор от ворот до калитки, в ее походке читалось сознание собственной позавчерашней красоты.

– Анюта, – говорил ей, проходя мимо, звонарь с живыми глазами и седой длинной бородой, – ты бы вывеску обновила. Что ж у тебя полгода уже написано, что ребенку твоему семь месяцев.

Она послушалась, написала, что ребенку год, хотя детей у нее пока не было. У нее был «дядя». Она его представляла как дядю, а он ее – как племянницу, на самом же деле они не состояли в родстве.

...Родители Анюты разошлись, когда дочке было годика три, и всё жонглировали ею. Кидали один другому. Мать Анюты имела такой невообразимый нрав, что Анюта лет с десяти постоянно убегала от нее к отцу. А когда Анюта подросла, стала красавицей с большой тугой грудью и узкой гибкой талией, в ней стали обнаруживаться черты характера матери. Совсем слегка обнаруживаться, во взгляде, в какой-нибудь невинной бытовой реплике. Но папа сразу в ужасе сбежал жить на дачу: обжегшись на молоке, дуют на воду. Осталась Анюта в квартире одна. Учиться она нигде не училась, куда податься, не знала, офицерская пенсия отца уехала на дачу вместе с ним. Зашла Анюта к матери, посоветоваться. Мать вроде хорошо встретила, посадила обедать, а как Анюта стала о своей жизни рассказывать, в сердцах ударила дочь лицом об стол. Понятное дело, Анюта старалась навещать буйную матушку сколь можно реже. Взясась она что-то вязать, шить: мать хоть и чумой была, но рукодельницей, к чему и дочку сызмала приохотила. Вязаньем да шитьем зарабатывала Анюта крохи, заказов появлялось катастрофически мало. Анюта заскучала одна в квартире, стала ходить по компаниям. Там пили, покуривали травку, она пила

вместе со всеми и покуривала. А то и поесть перепадало. Но сверстники были какие-то рассеянные и суетливые и не давали Ане полноты счастья. Аня сама быстро наскучила им сговорчивостью – что ей не предложишь, даже в шутку, она соглашается, но при этом и в разгар веселья остается отчужденной, как-то страшно, пусто смотрит большими темными глазами перед собой. Говорили ей смышленные люди, что с ее данными вовсе и не обязательно так неумно валандаться, а нетрудно заработать серьезные деньги. Но Аня как не слышала их, одновременно и крайне доступная, и совершенно непреклонная. Скоро ее стали избегать.

И тогда объявился «дядя». Он шел по скользкому зимнему тротуару. Аня стояла возле фонарного столба и, косясь взглядом в сторону, криво улыбалась. Дядя подошел, взял ее за плечи и положил навзничь в снег. Когда он тяжело навалился, она посмотрела ему в глаза. Тут дядя сразу слез, с решительным видом взял Аню за руку и повел за собой, она плавно выгибалась в тонкой талии, как верба на ветру, и неизменно криво улыбалась. «Вы настоящий мужчина...» – шептала она.

И вот с дядей она стала счастлива. Отец съехал на дачу навсегда, они поселились у Ани, потому что «дяде» жить было негде. В прошлом «дядя» служил в милиции в чине майора, но проворовался и полетел под гору.

Устроился «дядя» дворником. Худо-бедно убирал двор, зрелищно размахивал лопатой, сморкался в одну ноздрю, поблескивая глазом. Двигал снег к бордюру с таким нахрапом, что, казалось, никакая сила не могла его остановить, а через мгновение исчезал с территории с ментальностью потухшего света. Аня поначалу тоже приспособилась было хозяйничать: вставала рано, распустила старые кофты, затеяла вязать «дяде» свитер, но потом отложила вязание и просто сидела дома: с прямой спиной, глядя в одну точку, на табурете или с ногами на диванчике в позе Аленушки с картины Васнецова. Меньше стали пить, и Аня резко похорошела, она быстро восстанавливалась. «Дядя» приходил с заиндевелой бородой, веселый.

– Анята, – говорил он, – встречай кормильца, стягивай сапоги.

Анята стягивала сапоги, но она больше не была рада «дяде», и он, резвый от природы человек, терял вдохновение. «Ты скучноват», – сказала ему Аня как-то. А вечером, когда он вернулся с работы, ее дома не оказалось. Он не стал ее искать, пошел в дворницкую, чтобы переночевать там. Но не спалось. Ночью он вышел на улицу, чтобы купить чекушку. Побрел через двор. Тут увидел Аню. Она шла расхристанная, со сбитой набок юбкой. Точнее, она не шла, а, подаваясь вперед, плыла над сугробами.

– Ты где была? – спросил «дядя».

– У друга. Ты скучноват...

Он, как первый раз, взял ее за руку и повел домой, она не сопротивлялась.

Дома она опять уселась неподвижно.

– И что это за друг такой бесценный? – спросил «дядя» мрачно, для затравки, он собрался бить Аню.

– Такой друг, что если он скажет: «убей», я убью. Он женат, его надо было пожалеть.

У дяди почему-то отпала охота Аню бить, опять пропало напрочь всякое вдохновение.

На следующий день он на работу не вышел, и Аня опять полюбила его. Он уже и бил ее за «друга», но она терпела, только улыбалась криво.

Практически единственным источником их доходов стала церковная милостыня. Просили здесь и другие нищие, но Боря (так звали «дядю»), не утративший правоохранительную хватку, забрал среди них главенство, собирал дань. Составилась небольшая нищенская община. Так что, если Боря и не стоял сегодня у церкви, процент он все равно получал, делая раза два на дню неспешный обход. И от этих легких денег Боря быстро занемог, у него опухли ноги, так что еле мог ходить, и он весь опух, набряк, посинел, глаза вылезли из орбит. Однажды он куда-то исчез, и Аня осталась одна опять. Она продолжала пить, но без Бори она пила меньше, быстро засыпала у церковных ворот в позе тициановской Данаи.

Церковные сторожа нечасто менялись, но – то уволят одного за нарушения устава, то другой сойдет по старости, то третий уйдет в монастырь. И вот взяли нового молодого сторожа Ярослава, он не терпел, когда его называли Славой, требовал, чтобы обращались Яр.

Яр взялся за дела яро. Положено было выгонять нищих за ограду. Другие, обтесавшиеся, сторожа смотрели на вылазки голытьбы сквозь пальцы или, образно говоря, сквозь обильную связку ключей, которую степенно носили в руках. Яр же, чуть нищий ступит на подворье, сразу летел к нему и требовал выйти. «Упрямый ты», – сказал ему чернобородый Гена, бывший, а может, и настоящий уголовник, появившийся недавно, но уже норовящий свергнуть Борю. Но Яр и его не испугался: «Да нет, это ты упрямый», – ответил. Потом они даже подружились. Как-то ни свет ни заря Яр вышел открывать храм (ворота он открыл, когда еще не рассвело) и встретил Гену, идущего в сортир. На Гене были белые брюки и черный кожаный пиджак, в ушах наушники плеера. Гена приветливо выдернул наушники.

– Какой ты, Ген, нарядный, – сказал Яр весело.

– А как ты хотел, праздник сегодня, 8-е марта, – сдержанно ответил Гена.

– А что слушаешь? Моцарта?

– Нет, «Битлз».

...«Ухожу, ухожу, Ярик, – высоким голосом говорил синеглазый Коля, отвоевавший в Афгане, – я только крест зашел наложить». Яр стоял перед ним в задумчивости. Коля долго, неверной рукой, накладывал крест. Казалось, яркая синева его глаз сейчас плеснет на тротуар. А потом Яр находил Колю в уборной спящим на седалище.

Была одна, которая никогда не заходила на территорию, не старая совсем женщина, стройная, в длинном облегающем черном пальто, она протягивала узкую ладонь и смотрела исподлобья большими измученными глазами; привел ее и курировал люто-спокойный Гена. Куда ей заходить на территорию – она была пуглива как лань.

Аню Яр тоже гонял, но как-то невольно смягчал голос: «Аня, милая, будь добра, выйди за ворота». Аня медленно вставала и, чуть изгибаясь в талии, чуть двигая своим безукоризненным станом нигерийской принцессы, выходила за ворота. «Если б рожа не такая опухшая...» – думал Яр.

К единственной нищей Яр был полностью снисходителен – к пожилой Татьяне, в прошлом главной смотрительнице Дарвиновского музея. Она подходила с маленьким целлофановым пакетиком в руке к самой паперти, и Яр ее выводил, только если начинал уже ругаться староста. Опустилась Татьяна из-за сына Саши, наркомана. Он бил ее, отнимал на наркотики пенсию. Когда Саша попытался завязать с наркотиками и обратился к водке, Татьяна, чтобы поощрить менее пагубную привычку, стала с ним выпивать и очень быстро встала возле храма. Саша и эти деньги у нее отнимал, бил мать еще сильнее: сломал ей нос. Яр подошел к нему раз и сказал:

– Ты это что, дорогой?

– А что... – растерялся Саша, который был выше высокого Яра на полголовы.

– А то. Ты что бьешь мать?

– Да он не бьет, – вступилась Татьяна, – не бьет.

Тут уж несколько растерялся Яр.

– Ты вот что знай: мы ее в обиду не дадим, она при храме, она наша, понял?

– Понял.

В следующий раз Татьяна пришла настолько побитой, что глаз видно не было.

– Опять он вас бил?.. – спросил Яр.

– Не надо... пожалуйста, не надо, – моляще потянулась к нему Татьяна, – не вмешивайтесь...

Яр и перестал вмешиваться. Другое дело, Аня. Гена в отсутствие Бори затеял забирать у нее деньги. Она съездила к отцу на дачу, с ним не ужилась, но вернулась опять прежней красавицей. Гена такую вовсе не допустил ее просить. «Ты здоровая молодая девка, иди работай», – говорил он со злобой. Чего, казалось бы, стоило ему напоить ее, превратить в свою любовницу и усадить на прежнее место с табличкой. Но он, похоже, готов был скорее убить ее.

Аню стали кормить в трапезной, за что она ухаживала за цветами. Яр наблюдал ее работу через окно сторожки и силился созерцать бескорыстно. Яр не знал, как для других мужчин, но для него всегда влечение к женщине было мучительным, всеохватывающим, поэтому он дичился женщин, они легким своим появлением вызывали в нем восторг, страдание и стыд. Он и решил для себя, что следует относиться к женщине бескорыстно и наглядную красоту ее воспринимать бескорыстно, и тогда сделается возможным глубокое чистое общение с женщиной, которое, в конце концов, когда-нибудь приведет к чаемому счастью, о котором Яр мечтал с детства. Но сначала надо вымуштровать себя, приучить к такому бескорыстию. «Вот, к примеру, за окном скребет граблями прошлогоднюю траву удивительно, немислимо похорошевшая за последние дни Аня. Вся в черном, длинная юбка, только платок с сиреневыми и синими узорами по голубому полю, да белеет поясница через тонкую полоску под фуфайкой, когда нагибается за жухлой травой. Буду любоваться, – думал Яр, – но совершенно бескорыстно». Они столкнулись в дверях, когда Аня ставила грабли.

– Я поставлю тут...

– Правильно, здесь им и место.

Аня вышла, Яр устремился за ней.

– А вы давно здесь работаете? – спросила Аня.

– Аня, ты же меня всю зиму видела.

– Да... видела. Правда, я зимой ничего толком не видела, у меня было какое-то грустное настроение зимой.

Яр щелкнул себе пальцем по шее. Аня подняла и опустила глаза.

– По-моему, у тебя и сейчас грустное настроение, ты и сейчас меня в упор не видишь, – посетовал Яр.

– Нет, сейчас мне весело. А как тебя зовут?

– Яр.

– Странное имя, никогда не слышала.

– Ярослав.

– Ярослав сокращено ведь Слава.

– Я не люблю это сокращение.

– Зачем из себя изображать? Яр! – вспыхнула вдруг Аня. – Слава – и всё.

– А ты зови меня все-таки Яром.

– Хорошо, – опустила глаза Аня.

– Ты семечки любишь грызть?

– Да так, иногда... редко, – Аня улыбнулась, – вообще, люблю, – она подставила ладонь.

Яр отсыпал ей семечек.

– Меня звонарь угостил, – объяснил он.

– О! У него волшебные семечки, – подхватила Аня, – он мне дал в карман, я грызла, а они все не кончались. Одну я оставила себе на память.

Они разговаривали долго, священники и все работники храма разошлись. Раиса Павловна, казначей, «железная леди», как называли ее сторожа, оставшаяся сегодня ночевать, уже пристально наблюдала за ними. А Аня всё не уходила, стояла перед Яром, то опуская, то поднимая на него матовые черные глаза, и когда поднимала, Яр напряженно улыбался.

– Анюта, тебе домой пора! – громко напомнила наконец Раиса Павловна.

Возле ворот они опять было остановились, но Аня обронила взгляд и сказала:

– Ну ладно, холодает что-то, я побегу.

– Сейчас не так холодно, чтобы бежать, – возразил Яр.

– Я побегу не столько от холода, сколько от страха замерзнуть, – ответила Аня.

Яр поддался преувеличенному восторгу от этой фразы, сколь возможно смотрел через решетку Ане вслед, ждал, что она оглянется, но она смотрела себе под ноги, ступала ровно и стремительно.

– Ты не очень-то с Аней, – сказала ему Раиса Павловна, когда он вернулся от ворот.

– Да я просто поговорил с ней.

– Да, – властно посмотрела на него казначей, – не очень-то, ты же знаешь, кто она.

– Она исправится, она же еще молодая.

– Какой же ты, Ярослав, наивный. Если молодая, то сразу и исправится...

Распустились ирисы. Седобородый звонарь внимательно косился на них темными глянцевыми глазами и рассказывал Яру, как в бытность светским художником увлекался он модерном, рисовал такие вот лиловые ирисы. Блик на его широком серебряном венчальном кольце

переключался с бликами в глазах. Боря не появлялся, стали предполагать, что он отдал богу душу где-нибудь в подземном переходе. К Ане переехала тетка, сестра матери, она была портниха, и вместе они что-то шили на дому. Раз, когда Аня пропальывала ирисы, Яр зазвал ее пить чай к себе в сторожку.

– Вот, смотри, какое платье пожертвовали, явный эксклюзив, канадское.

Он показал Ане длинное узкое платье в крупных маках по теплому кремовому полю.

– Красивое, – сказала Аня.

– Не то слово! – подхватил Яр, – я для тебя его приберег, возьми.

– Спасибо, – Аня взяла пакет с платьем.

Сели за чай.

– Ты скучаешь по Боре? – спросил Яр.

– Да, без него скучно.

– А с ним весело?

– А с ним весело.

– Как ты себе представляешь свое будущее?

– Надо бы на работу устроиться, выйти замуж, но кому я такая нужна.

– Какая – такая?

– Ну, вот такая, – Аня расправила подол юбки.

– Мне нужна.

– А ты возьмешь меня замуж?

– Нет, погоди... – смутился Яр.

– А-а, ну вот! – горько вздохнула Аня, подняла ладони и плавно опустила их на колени.

– Нет, погоди. Вот сейчас мы сидим и пьем чай, так? А дальше видно будет. Тебя, по-моему, и убивает мысль о будущем, а надо жить настоящим.

– Мы так и жили с Борей – настоящим.

– Нет, вы жили будущим, светлым будущим, все алкаши живут светлым будущим, – Яр засмеялся.

– Ты умный, – грустно сказала Аня.

– Да какой я умный, я просто боюсь с тобой расстаться, каждую нашу встречу я боюсь с тобой расстаться.

– Я тоже...

Яр блаженно смотрел на нее, рядом с Аней он испытывал умиротворенное счастье, неизвестное ему раньше с женщиной; раньше женщины вызывали или досаду, или болезненный восторг, и Яр твердил, что любовь по природе своей мучительна, но теперь рядом с Аней он отдыхал от мучений. Было душно, и Аня по-простому скинула босоножки.

...Она так прекрасна, так странна, все представления о красоте смещаются, когда смотришь на нее. У нее какая-то нехорошая улыбка, но это физиологическое: когда она улыбается, становится заметно, что у нее слегка выдвинута нижняя челюсть, если не улыбается, совсем незаметно. Сложена она безукоризненно, только ступни – на одной косточка выпирает рядом с большим пальцем, как у старухи, на другой ноге – нет. Глаза большие, с одинаковыми верхними и нижними веками, то печальные, то совершенно пустые, до жути, лицо в свете настольной лампочки так играет поразительной красотой и некрасивостью, что это посильнее всякой однообразной красоты. Нос, губы со странным изгибом. Сфинкс, умиротворяющий неразрешимостью улыбки. А то стало

что-то скучно жить. Старик-физик, сменщик, говорит, что они, ученые, до всего докопались: и бытие Божие доказали, и бессмертие души тоже доказали. Странно, тянет их к бесконечно малому и бесконечно большому, а перед собой они ничего не видят.

– ...Пойду сейчас и найду себе мужика, – мрачно проговорила Аня.

– Зачем?..

– А просто так.

– Не надо.

– Хорошо, не буду.

– Любите вы, то есть твое поколение, молодая поросль, – разозлился Яр, – нагонять тень на ясный день, строить из себя что-то крайне демоническое, а это все от неразвитости и, как следствия ее, заикленности на себе.

– Ну ладно, я пошла.

– Иди, – Яр с отчаянием смотрел перед собой.

– Хорошо, я останусь.

– Нет, ты уж иди, уже темно, а в том доме напротив наши работники храма живут и все видят.

– Пусть видят.

– Нет, не пусть.

На следующий день Яр не работал. Он выспался и не находил себе места. Когда стало совсем неважно, он выскочил из квартиры и ринулся в сторону храма. Возле церковных ворот он оглядывался, как человек, желающий быть незамеченным. Аня полола цветы. Она была в его платье с маками. «Аня!» – приглушенно позвал ее Яр. Она не слышала. Он позвал громче, но тщетно. Тогда он как можно непринужденней подошел к ней.

– Привет.

– Привет, – бросила на него взгляд Аня.

– Идем погуляем.

Аня выпрямилась.

– Пошли, – сказала она, – сейчас я только тяпку положу.

– Я буду ждать тебя за воротами.

Когда она вышла, он взял ее за руку и стремительно повел за собой. Возле храма стоял двенадцатиэтажный блочный дом, Яр завел Аню за угол этого дома, где разросся густой кустарник, и обнял ее, она с готовностью подняла подбородок. Яр припал к ее губам.

– Пошли к тебе... – в самозабвении прошептала она.

– Нет, сегодня не стоит, сегодня... постный день, – сказал Яр.

– Как хочешь...

– Завтра.

– Когда хочешь. Ты всегда можешь позвать меня, я всегда приду, сладкий ты мой...

– Нет, не когда хочешь, а именно завтра, в десять часов утра я буду ждать тебя здесь же, в десять часов и не позже, если позже – я умру.

«Излечила!» – так думал Яр вечером. Смыла старую скорбь, все прошло, будто и не было. А может, ничего и не было, а только сейчас начинается. Какая женщина, какая удивительная девушка! Да, в наше время только в омуте можно найти такое чудо. Яр уже страшно жалел, что перенес на завтра, допустимо ведь уговориться и на сегодняшний вечер, но телефона Аниного он не знал.

Утром в десять он, бледный, не выспавшийся, стоял возле куста и ждал. Аня не приходила. Он прождал час. Аня не пришла. Днем он выслеживал ее возле церкви, но Аня исчезла.

Спустя несколько дней Яр, привычно обходя подворье, встретил Боря.

– Как ты помолодел... – сказал Яр приветливо.

Боря действительно похудел, помолодел, его крупным светло-голубым глазам вернулась откуда ни возмись красивая форма, он был чисто выбрит, обнаружился маленький аккуратный рот.

– Да... в больнице пролежал два месяца, – с полуулыбкой, немного снисходительно ответил Боря.

– А где твоя хромота, липовая была?

– Почему липовая? Ноги пухли, теперь не пухнут.

– Вылечили?

– Вылечили.

– А как твоя племянница?

– Племянница-то? Хорошо, свитер мне вяжет.

Яр понимающе усмехнулся, пошел в сторожку, взял с полки пузырек корвалола, выпил половину и подумал: «Все-таки я чудовище, и никуда мне от себя не убежать».